

независимая газета. - 1998, - 21 окт.

Гастроли Джиджи Качуляну в Москве

- с. 7

ПОД СОЛНЦЕМ НИЖИНСКОГО

Наталья Звенигородская

НЕКОТОРЫЕ любят погорячее. Вернее поострее. Точнее... одним словом, те, кто все это любят, на сей раз могли не беспокоиться. Ничего такого, кроме названия, в прошедшем на сцене театра имени Моссовета спектакле Джиджи Качуляну «Моя ночь с Нижинским» нет. Ночи нет. Да и Нижинского-то... Впрочем, Нижинский есть, конечно, но об этом после.

На сцене появляется человек в светлом рабочем трико, расстилает на полу черно-белое полотнище и, влекомый волновыми накатами Дебюсси, ныряет в эту «зебру», в чересполосицу по имени «Моя ночь с Нижинским».

От него ждут танца (как-никак известный хореограф!), а он вдруг начинает рассказывать. О себе: в четыре года малыша приводят в балетный класс — дома больше нет сил терпеть непоседу; первые впечатления — один среди разгоряченных, раскрасневшихся девочек, первая учительница, первые уроки, первые импровизации. Он остроумен, обаятелен. Он говорит легко. Но долго, слишком долго, чтобы это могло быть преамбулой ко все еще ожидаемому движению. Затем вдруг совсем иное. Этюд-эссе о сущностной взаимосвязи языка и танца у разных народов. Забавные наблюдения, виртуозные зарисовки. Потом — музыкально-пластический галоп по стилям и эпохам. Вебер и Сати, Гершвин и Верди, Штраус, Армстронг, Стравинский. Внезапно связь с публикой как бы вовсе прерывается — хореографический монолог, обращенный внутрь себя. И тут же — клоунские ботинки, сиреневый парик. Наконец снова Дебюсси: «Послеполуденный отдых Фавна» — дуэт с Руксандрой Раковица.

Обрывки мыслей, чувств и жанров, оказавшиеся в эти полтора часа без всякой связи. Не по правилам. И тут возникает проблема. Проблема восприятия. Проблема правил игры.

Прежде чем начинать игру, необходимо четко усвоить ее правила. Не знаю, задумывается ли над правилами Джиджи Качуляну, но его спектакль — порождение совсем другой игры, игры под названием «постмодернизм». Быть может, стихийное порождение. Между тем так пугающий одних и столь притягательный по вкусу другим тремучий коктейль постмодернизма — вполне естественная реакция на многовековой диктат логики и формы, на жестко детерминированную систему запретов.

Джиджи Качуляну — постмодернист, если можно так выразиться, по крови своей. Да и по судьбе. Столько в нем всего намешано. Он родился в Бухаресте, живет во Франции. Сам о себе говорит: «Случилась «перемешка»: в Румынии меня считают русским, во Франции — румыном, а в России

французом. Бабушка была русская, родом из Петербурга. Дед — грек. Родители из Бессарабии. У них: тата — рус, мама — рус, а Иван — молдаван». Он хотел быть математиком, а оказался в балете. Не любил классику, но получал на международных конкурсах первые премии как классический танцовщик. Никогда не учился модерну, и при этом знаменитая Пина Бауш пригласила именно его преподавать модерн в ее труппе в Эссене.

Свойственное постмодернизму приятие на равных правах любых возможностей и ходов для Качуляну — образ жизни. А потому, полагаю, над стилистикой «Моей ночи с Нижинским» он скорее всего не задумывался. Она родилась естественно, без кесарева сечения и не в алхимической реторте. И если взглянуть на спектакль сквозь эту призму, он не покажется уже бессвязным набором обрывков мыслей, чувств и жанров. Вернее, эта ви-

пластическая отрешенность, цирк и классический танец. Синкретизм — не недостаток, а свойство стиля (если у этого стиля, ускользающего, нестабильного, точно ргуть, вообще могут быть какие-либо устойчивые свойства).

Качуляну — постановщик, сценограф и хореограф спектакля. Он одновременно и сочинитель истории, и ее герой, автор и материал. Есть у него и неперенная для постмодернизма культовая фигура — Нижинский. «Нижинский — он как бог. Наш языческий балетный бог. Я хожу под его солнцем с четырех лет. Вообще, говорить о боге трудно и нельзя. Но из-за Нижинского я помещаюсь на своей профессии: это же надо с ума сойти, чтобы заниматься хореографией».

Есть сопровождающие все действие громадные проекции — Нижинский в легендарных балетных партиях. Есть музыкальные и пластические цитаты и парафразы на

Танец Качуляну.

димая бессвязность и есть основное правило игры.

Хотя противопоставление «основное-неосновное» применительно к постмодернизму некорректно. Как и всякое вообще противопоставление. «Во мне вызывает сопротивление любая культурная иерархия, — утверждает один из идеологов постмодернизма. — Для меня одинаково ценны Бетховен и постпанк, Шекспир и Микки Спиллэйн». Никакой иерархии жанров. Импрессионизм Дебюсси и холодный джаз, итальянское бельканто и испанский фольклор. Свойский разговор со зрителем и не рассчитывающая на понимание

темы из этих легендарных балетных партий. Есть обожание, но есть и ирония. Есть культовая фигура, но нет культа. Это та же игра. Нижинский — бог, уравненный в правах с прочими компонентами спектакля. Его вполне могло и не оказаться в этой кучке обрывков.

Но он там оказался. И когда мы, взращенные на незыблемой иерархии ценностей, смотрим на знаменитые, тысячу раз виденные фотографии, на пленительные рисунки Бакста, то думаем: может, не так уж она архаична, это иерархия? Во всяком случае, хорошо, что даже по новым правилам игры и она по-прежнему имеет право на существование. ■